Г.Зыкова

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ ЛЮБОМУДРОВ

1.Эпизоды из истории формирования русских представлений об особой роли литературы в культуре

Как известно, утопические идеи Гоголя о возможном решительном влиянии литературы на жизнь общества, высказанные в "Выбранных местах из переписки с друзьями", вызвали неодобрительное отношение многих близких к Гоголю литераторов; так, в письме Погодина от 10 апреля 1847 г. читаем: "Об "Одиссее" все сначала еще пожали плечами. Пятое Евангелие не сделает того, что приписываешь ты переводу Жуковского"[1]. Между тем у самих любомудров, критиковавших Гоголя в 40-х, немного раньше – в 1820-х-30-х – были мысли и звучали интонации, очень похожие на мысли и интонации Гоголя; только любомудрам недоставало гоголевской смелости и радикализма, и наиболее определенные их высказывания на интересующую нас тему находим не в публичных выступлениях, а в письмах и в дневниках (это сразу было замечено Белинским: "А славеноперды напрасно на него <...> сердятся.<...> Они подлецы и трусы, люди неконсеквентные, боящиеся крайних выводов собственного учения; а он человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до крайних результатов"[2]. Можно сравнить, например, цитированный выше скептический отзыв Погодина с патетическими фразами его друга и единомышленника Шевырева – из дневника 1830 года: "Критик, как Моисей, скажет – не делай этого; не делай этого. Поэт, как Христос, скажет – что делать" [3].

Литературное поведение любомудров определяли представления о пророческой миссии писателя, свойственные европейской культуре в кон. XУ111 – нач. X1X в.[4] Восприятие представлений об

---

[1] Письмо от 10 апреля 1847 г. – Цит. по изд.: Переписка Н.В.Гоголя: В 2 тт. М., 1988, т.2, с.414.

[2] Письмо В.П.Боткину от 20-29 марта 1847 г. – Цит. по изд.: Белинский В.Г. ПСС: В 13 тт., М.; Л., 1959, т.XII, с.324.

[3] Запись от 19 марта. – РО РНБ, ф.850, № 16.

[4] Просветительские? романтические? шиллеровские? шеллингианские? – в России это, кажется, смешивалось, о чем см.: Журавлева А.И. Шиллеровские мотивы в театральной эстетике Григорьева – Островского. – Вестник

искусстве как высшей форме познания в России парадоксальным образом имело два прямо противоположных следствия. С одной стороны, было доверие к поэзии как к откровению, с другой стороны – от поэзии начали требовать откровений. Именно у бывших членов общества любомудров уже в 30-е гг. возникает уверенность, что искусство ценно прежде всего своим прямым нравственным воздействием на общество (причем это воздействие, в сущности, немногим отличается от воздействия публицистики). См., напр., у Шевырева: "Значительна не книга, а ее действие. Значительно не слово, а мысль"[5].

Наиболее подходящими формами для пропаганды представлялись театр, еще со времен Шиллера рассматриваемый как "нравственное учреждение" (ср. характерную формулу Ф.Шлегеля: драма – "популяризованная поэзия"), и роман как жанр, синкретичный по определению и свободно вмещающий в себя публицистику и философию. Не удовлетворенный бытовой стороной жизни русского человека, Шевырев считает возможным перевоспитать его – при помощи романа; проект романа выглядит так: "Жизнь человека, эстетически образованная, – прекрасный предмет для романа. Надо создать для него свой мир, нощь стихий, из нравов, обычаев русских. Надо всею нашею жизнию воспользоваться и найти в ней изящную сторону. Это произведение может быть талисман русским. Буду собирать для него материал"[6] . Проект романа-инструкции будет успешно реализован позднее, другим – Чернышевским в "Что делать?".

Восприняв идеи Шиллера, в кон.1820-х – нач.30-х Шевырев и С.Т. Аксаков мечтают о "новом театре, народном" (слова Аксакова), который имел бы общенациональное значение[7]. Шевырев в письме к Верстовскому, обсуждая их совместный проект – оперу "Вадим, или Двенадцать спящих дев", мечтает создать такую вещь, которая была бы "вкусной для всех, начиная от идеалиста и до

МГУ, филология, 1997, № 3.

[5] Перечень наблюдателя. – Московский наблюдатель, 1836, № 1, с.80.

[6] Дневниковая запись от 12 марта 1829 г. – РО РНБ, ф.850, № 16.

[7] Ср. у Шиллера: "великое влияние, которое хороший постоянный театр оказал бы на дух нации. Национальным духом народа я называю сходство и согласие в его взглядах и склонностях по отношению к предметам, возбуждающим в другом народе иные мысли и чувства. Только театр способен в высокой степени содействовать этому согласию, так как он проникает во все области человеческого знания, исчерпывает все жизненные ситуации и освещает все уголки души; театр объединяет все сословия и классы... если бы мы дожили до национального театра, то мы стали бы нацией" ("Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение", 1784).

последнего фабричного"[8]. Мечта будущих славянофилов о новом искусстве – это мечта об искусстве, которое преодолело бы раскол нации, ее разделение на "народ" и "публику"[9]. Статья Гоголя "О театре..." из "Выбранных мест..." вписывается в контекст разговоров о театре будущего в кругу московских литераторов 1820-х гг.

Этот проект общенационального театра, как известно, был реализован Островским.

Известная идеологизированность русской литературы, ее стремление заменить собою публицистику, философию и т.п. уже в XIX в. обсуждалась как наша национальная особенность. Обычно здесь вспоминают о словах Герцена; однако впервые эта черта русской литературы была осознана гораздо раньше и впервые объяснена, кажется, И.Киреевским в 1832 г.: "Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилом их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственном состоянии своего отечества" ("Обозрение русской литературы за 1831 год"[10]). И здесь, как и во многих других случаях, в европейской романтической эстетике возможно найти аналогии[11]. Ф.Шлегель в 1795 г. характеризует современное искусство точно так же, как Киреевский – русское: "Прекрасной заслугой современной поэзии является то, что многое доброе и великое, которое недооценивалось, вытеснялось, отвергалось в конституциях, в обществе, школьной премудрости, находило у нее то защиту и убежище, то заботу и родину. Сюда, как в единственное чистое место греховного столетия, сложили немногие благородные люди, словно на алтарь человечества, цветы

---

[8] ГЦТМ, ф.53, № 415, л.15, 5 авг. 1829.

[9] О подобной позиции молодой редакции "Москвитянина" см.: Журавлева А.И., ук.соч.

[10] Европеец, 1832, №1. – Цит. по изд.: Европеец. Журнал И.В.Киреевского. 1832 г. М., 1989, с.80.

[11] Любопытно, что в 1830-е гг. будущие правые славянофилы (или даже националисты) совершенно отчетливо осознавали европейские, общеромантические корни стремления современной русской литературы к национальной самобытности; см., напр., дневниковую запись Шевырева от 19 марта 1830 г.: "Наша литература своею национальностию в Пушкине обязана предшествовавшему сей последней влиянию германской литературы, которому подверглась она в лице Жуковского"(РО РНБ, ф.850, №16).

своей возвышенной жизни, лучшее из всего, что они сделали, мыслили, чем наслаждались и к чему стремились" [12]. Однако в отличие от русских мыслителей Шлегель видит упадок искусства в этом вынужденном морализаторстве современной литературы. Высказывания немца Шлегеля могли иметь значение для Киреевского, говорившего о своей литературе, потому, что Киреевский, в отличие от Герцена, не столько констатировал существующий факт, сколько предсказывал, проектировал будущее русской культуры.

Общеевропейские корни утопии любомудров очевидны. Чисто русской была, однако, кажется, конкретность проектов, вера в возможное немедленное изменение общества под действием искусства – та вера, наивность и радикализм которой так поразили читателей гоголевских "Выбранных мест..." [13].

2. Неизвестная книга Н.М.Рожалина "Рассуждение о духе, характере и силах древних стихотворцев, ораторов и историков"(К проблеме "древних" и "новых")

Цель нашей работы – ввести в научный оборот книгу Н.М. Рожалина "Рассуждение о духе, характере и силах древних стихотворцев, ораторов и историков, или О главных отличительных чертах греческого и римского красноречия, о средствах и способах, которыми оно воспитывалось, созревало и действовало" (М., 1825). Работа была написана Рожалиным для его ученика, студента Московского университета кн. Александра Мещерского, и издана под именем последнего, чему есть ясные (однако, насколько нам известно, не замеченные исследователями) свидетельства в воспоминаниях Кс.Полевого[1] и особенно в письме Соболевского А.П.Пятковскому[2]. Сделано это было, очевидно, из-за денег: Рожа-

---

[12] Об изучении греческой поэзии. – Цит. по кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980, с.48.

[13] Как известно, позднее, в 1840-х, такой утилитаризм будет определять всю русскую критику – и западническую, и славянофильскую. Любомудры же выступают со своими утилитаристскими требованиями раньше всех, тогда, когда многие еще увлечены романтическими, шеллингианскими представлениями об искусстве как откровении. В 1836 г. Шевырев пытался привлечь в союзники Белинского (под впечатлением "Литературных мечтаний"); Белинский же от такого союзничества, как известно, отказывался (ст. "О критике и литературных мнениях "Московского наблюдателя"). В 1840-е для Белинского искусство – "гувернантка общества" (письмо Боткину от 19 февр.), и в этом позиция Белинского совпадает с позицией его литературного противника Шевырева.

[1] См. в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934, с.193.

[2] "Голос минувшего", 1914, N 1, с.269.

лин постоянно нуждался, давал уроки, принимал помощь А.П.Елагиной. На университетском конкурсе работа получила золотую медаль.

"Рассуждение..." – единственный известный нам пространный труд Рожалина и один из первых в русской словесности опытов типологии культур.

Трудно определить место, которое Рожалин занимал среди любомудров. Современный исследователь пишет о Рожалине как о самом бесцветном в своем кругу [3]. Однако друзья Рожалина, кажется, оценивали его иначе. Так, именно рукой Рожалина написаны условия, на которых Погодину предлагалось редактировать "Московский вестник"; Рожалин – один из помощников редактора, а летом 1827 г. в отсутствие Погодина он редактировал журнал единолично; в письмах Погодину этого времени, рассуждая о допущенных Погодиным-редактором ошибках и том, каким должен быть журнал, Рожалин принимает менторский тон – может быть, Погодин признавал за ним такое право? [4]

В 1830 г. Шевырев, чуть ли не более всего озабоченный в то время проблемами воспитания и образования русского юношества, пишет в дневнике, что именно Рожалин сможет установить в русских школах тот тип обучения, который "возвратит нас самим себе"[5]. Рожалин был близким другом Веневитинова и, по мнению Б.Л.Модзалевского, был ведущим в этой дружбе[6]. Кроме перевода "Вертера" и немногих критических статей, Рожалин ничего не напечатал. Не вполне понятно, что было тому причиной – творческое бесплодие или чрезмерная требовательность к себе (Рожалин был гордым до болезненности). Рукописи Рожалина сгорели сразу же после смерти автора, и об их содержании мы судить с уверенностью не можем.

Вероятно, Рожалин опубликовал "Рассуждение..." под чужой подписью потому, что в значительной мере оно было компилятивным[7]: "Рассуждение..." любопытно по преимуществу тем, как проставлены в нем акценты, что выбирает русский литератор в современной ему немецкой эстетике.

---

[3] Каменский З.А. – Московский кружок любомудров. М., 1980.

[4] РО РГБ, Пог/2, N 48.

[5] 17 ноября 1830 г. - РО РНБ, ф.850, N 17.

[6] РБС, статья "Н.М.Рожалин".

[7] Впрочем, может быть, здесь сказалась и свойственная разночинцу Рожалину склонность к эксцентричному самоуничижению: так, например, в 1829 г. в Веймаре он, как известно, собирался назваться при встрече с Гете лакеем З.Волконской.

Изучение античности для Рожалина, как и для немцев, – путь к познанию современности. Со времен Шиллера предлагались разные варианты противопоставленности "древних" и "новых". Для Рожалина христианский мир – это "во времени развитый мир, по Творческой Мысли Предвечного", тогда как греки "стремились все представить в пространстве" (с.8). Это может быть соотнесено, например, с мнением Ф.Шлегеля, говорившего о "круговороте" как основе античного миросозерцания.

Рожалин профессионально занимался историей, и потому его занимали прежде всего различия сменявших друг друга культур. Это проявилось, в частности, в литературной полемике 1825 г., где Рожалин отстаивал специфичность романтической поэзии, возражая Рылееву, полагавшему, полагавшему, что "нет ни классической, ни романтической поэзии, а была, есть и будет одна истинная, самобытная поэзия, которой правила всегда были и будут одни и те же" [8].

Основная мысль "Рассуждения..." – особое представление о времени и пространстве в античности – конкретизируется в характеристиках жанров. Так, эпопея "должна остановить<...> быстрое течение всего существующего в реке времени и представить один момент его во всей полноте и разнообразии" (с.19-20). Слова Рожалина не противоречат, в сущности, тому пониманию эпопеи, которое предлагает, например, Гегель (предмет эпопеи – "вневременное содержание и подлинно сущее")[9], однако русского автора явно отличает последовательное стремление осмыслить культуру по преимуществу в категориях времени/пространства.

Вслед за Ф.Шлегелем Рожалин пишет о греческой и римской культурах как о культурах естественной и искусственной, построенной на подражании. Для русских эта тема была важной и любомудрами активно обсуждалась; ср. подобные суждения о греческом искусстве в дневнике Шевырева 1830 г.

Один из основных источников книги Рожалина – "История древней и новой литературы" Ф.Шлегеля: очень близки рассуждения о чистоте жанровых форм греческой литературы, о символических фигурах богов у Гомера и др.; в том, что касается римской литературы, Рожалин практически ограничивается пересказом "Истории". Впрочем, описание римской литературы Рожалин завершает собственным и характерным для русского в 1825 году суж-

---

[8] См. статью Рожалина "Нечто о споре по поводу Онегина" ("Вестник Европы", 1825, N 17) и ответ Рылеева "Несколько мыслей о поэзии".

[9] "Эстетика", т.3, третий отдел ("Романтические искусства"), третья глава ("Поэзия"), C, I, 1, b. – Цит. по изд.: Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. М., 1971, т.3, с.424.

дением о Таците: "Из всех древних писателей он есть отличнейший по своему характеру и более всех приближается к новейшим" (с.72).

Одним из первых в России, насколько нам известно, Рожалин заговорил о драме как о "важнейшей части литературы": "Драма соединяет вместе и лирическую и эпическую поэзию: она представляет нам и картину внешних обстоятельств, на человека действующих, и открывает всю внутренность последнего, все разнообразие чувств его <...> Если дух народа и времени можно видеть во всех родах поэзии, то нигде не обнаруживается он так явственно, как в драматургии" (с.38-39). Эта общая оценка драмы, так же, как и определение трагедии ("свобода внутренняя и необходимость внешняя") и комедии ("неограниченная свобода", противоположность трагедии) восходят, очевидно, уже к "Чтениям о драме" Авг.Шлегеля.

В небольшой по объему работе находится место для того, чтобы достаточно подробно объяснить, почему сюжет греческой трагедии обходился, как правило, без любовной линии, в отличие от драмы романтической (творчество Еврипида в ту эпоху многими воспринималось как упадок трагедии)[10]. В русской литературе именно тогда создаются опыты драмы без любовной интриги. Пушкин писал о "Борисе Годунове": "Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги"; то же видим у Гоголя.

В начале XIX в. многие предполагали, что искусство находится в преддверии своей новой, высшей, "объективной" эпохи, эпохи максимального сближения с действительностью (Ф.Шлегель, в России – Надеждин, И.Киреевский). Другим казалось, что человечество пережило смерть искусства, и в новой культуре будут господствовать иные, рассудочные формы познания. Так, Гегель писал о современной "основанной на рефлексии культуре": "наше время по своему общему состоянию неблагоприятно для искусства. Сам художник не просто заражен громко звучащим вокруг него голосом рефлексии, общей привычкой рассудочно судить об искусстве, побуждающими его вносить больше мыслей в свои работы, но вся духовная культура нашего времени носит такой характер, что художник находится внутри этого рефлектирующего мира и его отношений"[11]. Ср. у Рожалина: вокруг "дух наблюдения, новейшим свойственный, чрезвычайно благоприятствует успехам наук, отвлеченным умозрениям и распространению истины; но он менее выго-

---

[10] См., напр.: Гегель, Эстетика, т.3, третий отдел, третья глава, С, III, 3, b. – Цит. изд., с.586.

[11] Там же, т.1, Введение, I ("Установление границ и защита эстетики"), 2 ("Опровержение некоторых доводов, выдвинутых против эстетики"). – Цит. изд., т.1, с.17.

ден для поэзии..." ("Рассуждение...", с.13). Если одни переживали это как печальную ущербность современного мира ("Приметы" Баратынского, "Импровизатор" В.Одоевского), то для Гегеля или Рожалина господство антипоэтической рефлексии – естественная и необходимая стадия развития. О будущем молодой русской нации Рожалин отзывается так: "мы совсем не поэты. Зато можем быть величайшими учеными в мире и в истории" [11]. В кругу любомудров взгляды Рожалина оценивались как "скептические" и излишне рационалистические; Рожалину возражали Веневитинов (в посланиях), В.Ф.Одоевский (в черновом наброске "Наука инстинкта – ответ Рожалину", написанном, кстати, через много лет после смерти Рожалина и потому выразительно свидетельствующем о значительном впечатлении, произведенном Рожалиным на собеседника)[12]; кажется, позже с Рожалиным оказался почти солидарен К.С.Аксаков; последний, однако (что знаменательно!) писал о рационалистической, антиэстетической сущности современной культуры только в набросках "Писем о современной литературе" (конец 1840-х – нач.1850-х), которые так и не рискнул закончить и напечатать[13] . Теоретические воззрения Рожалина сказались и на его практической литературной деятельности: активный сотрудник "Московского вестника" в 1826-27 гг., критик и переводчик, с 1828 г. Рожалин демонстрирует пренебрежение к современной русской литературе (в той или иной мере это было свойственно, как известно, многим любомудрам). 14 марта 1829 г. Рожалин признавался А.А.Елагину: "Я хочу забыть все свое прошлое в литературе, т.е. все легкомысленное"[14]. Знаменательны слова, в которых Рожалин описывает А.П.Елагиной свои впечатления от встречи с Жуковским: "Он выше своей поэзии" [15].

---

[11] Шевыреву, март 1832 – "Русский архив", 1906, кн.2, с.253.
[12] Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. М., 1913, т.1, ч.1, с.545.
[13] См.: Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.
[14] Русский архив, 1909, кн.2, N 8, с.570.
[15] Там же.